

Эмиль Верхарн

Избранные стихотворения

Эмиль Верхарн

Избранные стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7242205

Аннотация

«Стада больших свиней – и самки и самцы –
Угрюмым хрюканьем переполняли поле;
Толпились на дворе и бегали по воле,
Тряся молочные, отвислые сосцы...»

Содержание

Свиньи	4
Часы	5
Не знаю, где	7
Человечество	8
Лондон	9
Молитвенно	10
Роковой цветок	11
Голова	12
Мятеж	14
Числа	16
Мор	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмиль Верхарн

Избранные стихотворения

Свиньи

Стада больших свиней – и самки и самцы –
Угрюмым хрюканьем переполняли поле;
Толпились на дворе и бегали по воле,
Тряся молочные, отвислые сосцы.

И близ помойных ям, лучами озаренных,
В навозной жижице барахтались, толпясь;
Мочились, хвост завив, уставив ноги в грязь,
И лоснился узор щетин их очервленных!

Но подходил ноябрь. Их убивали. Ах,
Какой был славный жир в их грузных животах!
Из их больших задов само сочилось сало.

И шкуру их скребли, потом палили их,
И пламя тех костров, посмертных, гробовых,
Всему селению веселье возвещало.

Часы

Ночью, в молчании черном, где тени бесшумные
бродят, –

Стук костыля, деревянной ноги.

Это по лестнице времени всходят и сходят

Часы, это их шаги!

Вокруг устарелых эмблем и наивных узоров

Цифр под стеклом утомительный ряд.

О луны угрюмых, пустых коридоров:

Часы и их взгляд!

Деревянный киоск роковых откровений,

Взвизги напилка, и стук молотков,

И младенческий лепет мгновений, –

Часы и их зов!

Гроба, что повешены всюду на стены,

Склепы цепей и скелетов стальных,

Где кости стучат, возвещая нам числа и смены –

Часы и весь ужас их!

Часы!

Неутомимы, бессонны,

Вы стучите ногами служанок в больших башмаках,

Вы скользите шагами больничных сиделок.

Напрасно вас молит мой голос смущенный.

Вы сдавили мой страх

Циркулем ваших безжалостных стрелок.

Не знаю, где

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это – холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это – иней, что точит, морочит – бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это – полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это – полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной безвольной
Это смолкнувший звон колокольный,
Это убранный снегом и льдами собор.
Это хор похоронный, с которым без слов я рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то, – не в старом ли северном крае? – не знаю!
Это где-то, – не в старом ли северном сердце? – в моем!

Человечество

Распятые в огне на небе вечера
Струят живую кровь и скорбь свою в болота,
Как в чаши алые литого серебра.
Чтоб отражать внизу страдания ваши, кто-то
Поставил зеркала пред вами, вечера!

Христос, о пастырь душ, идущий по полянам
Звать светлые стада на светлый водопой,
Гляди: восходит смерть в тоске вечеровой,
И кровь твоих овец течет ручьем багряным...
Вновь вечером встают Голгофы пред тобой!

Голгофы черные встают перед тобою!
Взнесем же к ним наш стон и нашу скорбь! Пора!
Прошли века надежд беспечных над землею!
И никнут к черному от крови водопой
Распятые во тьме на небе вечера!

Лондон

То – Лондон, о мечта! чугунный и железный,
Где стонет яростно под молотом руда,
Откуда корабли идут в свой путь беззвездный –
К случайностям морей, кто ведает куда!

Вокзалов едкий дым, где светится мерцаньем,
Серебряным огнем, скорбь газовых рожков,
Где чудища тоски ревут по расписаньям
Под беспощадный бой Вестминстерских часов.

Вдоль Темзы – фонари; не парок ли бессонных
То сотни веретен вонзились в темь реки?
И в лужах дождевых, огнями озаренных, –
Как утонувшие матросов двойники.

И голоса гуляк, и жесты девки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбе, –
И вот, внезапно Смерть в толпе, как гость незванный...
То – Лондон, о мечта, влачащийся в тебе!

Молитвенно

Ночь в небо зимнее свою возносит чашу.

И душу я взношу, скорбящую, ночную,
О, господи, к тебе, в твои ночные дали!
Но нет в них ничего, о чем я здесь тоскую,
И капля не падет с небес в мои печали.
Я знаю: ты – мечта! И все ж во мраке ночи,
Колени преклонив, тебе молюсь смиренно...
Но твой не внемлет слух, твои не видят очи,
Лишь о самом себе я грежу во вселенной.
О, сжался, господи, над бредом и страданьем,
Я должен скорбь излить здесь, пред твоим молчаньем.

Ночь в небо зимнее свою возносит чашу.

Роковой цветок

Бессмыслица растет, как роковой цветок
На черноземе чувств, желаний, дум гниющих.
Героев тщетно ждать, спасителей грядущих,
И в разуме родном коснеть – наш горький рок!

Иду к безумию, к его сияниям белым,
К сияниям лунных солнц, так странных в полдень нам,
К далеким отзвукам, в которых гул и гам,
И лай багряных псов за призрачным пределом.

Озера роз в снегу, и птицы в облаках,
На перьях ветерка присевшие, летая;
Пещеры вечера и жаба золотая,
Задвинувшая даль, у входа на часах;

Клюв цапли, в пустоту разинутый безмерно,
В луче дрожащая недвижно мошकारа;
Бессильное тик-так, беспечная игра...
Смерть сумасшедшего, – тебя я понял верно!

Голова

На черный эшафот ты голову взнесешь
Под звон колоколов – и глянешь с пьедестала,
И крикнут мускулы, и просверкает нож, –
И это будет пир, пир крови и металла!

И солнце рдяное и вечера пожар,
Гася карбункулы в холодной влаге ночи,
Узнают, увидав опущенный удар,
Сумели ль умереть твоё чело и очи!

Зло величавое змеей в толпу вползет,
В толпу, – свой океан вокруг помоста славы
Смирившей, – и она твой гроб как мать возьмет,
Баюкать будет труп, кровавый и безглавый.

И ядовитее, чем сумрачный цветок,
Где зреет ярче яд, чем молнии сверканье,
Недвижней и острей, чем впившийся клинок,
Властней останется в толпе воспоминанье.

Под звон колоколов ты голову взнесешь
На черный эшафот – и глянешь с пьедестала,
И крикнут мускулы, и просверкает нож, –
И это будет пир, пир крови и металла.

Мятеж

Туда, где над площадью – нож гильотины,
Где рыщут мятеж и набат по домам!
Мечты вдруг, безумные, – там!

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах,
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! Бьет предназначенный час!

Над крышами вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность – надежда,
Кому вне отчаянья радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Все громче и громче в зловещей тени,
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! Кричите свои повеленья!
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломаются в двери...
Удары прикладов качают окно, –
Убивать – умереть – все равно!

Зовут... и набат в мои ломится двери!

Числа

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ,
Со лбом, в бореньях роковых
Разбитым о недвижность их!

На жесткой почве, с прямотой иглы,
Глухого леса высятся стволы;
Их ветки – молний изваянья;
Вверху – квадратных скал углы –
Громады страха и молчанья;
И бесконечность в вышине
Алмазных звезд, с небес ко мне
Глядящих, – строги и суровы;
И за покровами покровы
Вкруг золотой Изида, в вышине!

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Как взоры пристальны их роковых проблем!
Первичные, они – пред нами суть затем,
Чтоб в вечности пребыть такими ж!
От их всевластных рук вселенной не отымешь.
Они лежат на дне и в сущности вещей,
Нетленно проходя сквозь мириады дней.

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Открою я глаза: их чудеса кругом!
Закрою я глаза: они во мне самом!
За кругом круг, в бессчетных сочетаньях,
Они скользят в воспоминаньях.
Я погибаю, я пропал,
Разбив чело о камни скал,
Сломав все пальцы об утесы...
Как бред кошмара – их вопросы!

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Вы тексты от каких затерянных страниц?
Остатки от какой разрушенной вселенной?
Ваш отвлеченный взор, взор глаза без ресниц, –
Гвоздь, проходящий в сталь, меч, острый неизменно!
От ваших пристаней кто вдаль не отплывал?
Но гибли все ладьи о зубья тайных скал.

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Мой ум измучен и поник
На берегах спокойных книг,
В слепящем, словно солнце, мраке;
И предо мной во мгле теней
Клубком переплетенных змей
Взвиваются хмельные знаки.
Я руки протянул во мгле:

Но вашей тяжестью к земле
Я наклонен в порыве смелом.
Я изнемог, я изнемог –
На переходах всех дорог
Встречаться с вами, как с пределом!

Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!

Доколе ж длительная пытка
Отравленного их напитка,
Вливаемого в грудь с высот?
Как знать, реальность или тени
Они? но, холоден как лед,
Их роковой закон гнетет
Чудовищностью нарушений!
Доколь бессчетность в вышине
Алмазных звезд в их вечном сне,
Взор устремляющих ко мне
Неумолимо и сурово?
О, вечно ль не сорвать покова
Вкруг золотой Изиды в вышине?

Мор

Смерть себе спросила крови
Здесь, в трактире «Трех гробов».

Смерть уходит, на прилавке
Бросив черный золотой.
Кто попросит о прибавке?

«Вам на траур и на свечи!»
Вышла, бросив золотой.

Смерть пошла, качая свечи,
Тихим шагом старика
Поискать духовника.

Вот кюре понес причастье,
Рядом – мальчик со звоном
– Слишком поздно! –
В дом,
Где уже царит несчастье,
Где уже закрыты окна.
Смерть себе спросила крови
И теперь пьяна!

«Матушка-Смерть! Пощади, пощади!

Пей свой стакан не до дна!
Матушка-Смерть! Погляди, погляди!
Наша мольба на ладонке видна!
Матери мы, деревенские тетки,
Как бесконечные четки,
Тянемся мы, без надежд бормоча,
В рваных платках, костылями стуча.
И отражаются в старческом взоре
Годы и горе.

Мы – снесь для могильных червей,
Цель для косы твоей!»

Полно вам, старухи!
Смерть – пьяна.
Капли крови, как вина,
Ей забрызгали колет,
Покрывающий скелет.
Пьяные на просьбы глухи.
Голова ее качается,
На плечах как шар катается.
Даром денег Смерть не бросит,
Что-нибудь за деньги спросит
Здесь, в трактире «Трех гробов»,
С бедняков.

«Матушка-Смерть! Это мы, ветераны
(Много нас, много! Болят наши раны!),
Черные пни на просеке лесной,

Где ты гуляла когда-то с войной!
Знаем друг друга мы. В дыме и гуле
Ты нам была и видна и слышна:
Ты перед нами несла знамена,
Ядра катала и сыпала пули.
Гордая, строгая, виделась ты
На кругозоре гудящей мечты,
Быстро вставала на бой барабанов,
Первая в битву бросалась вперед...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.